

После этих слов в душе Сун Цинсюя шевельнулось смутное предчувствие.

А вдруг Тан Хуай с самого начала его не предавал? Вдруг тогда он и не пытался сделать ему больно — просто Тан Чжэньпин использовал его в своих целях?

Если это и правда так, то все годы его подозрений и злости...

разве это не слишком жестоко по отношению к Тан Хуаю?

У них ведь были похожие судьбы. Тогда, много лет назад, он ещё клялся, что исцелит ту боль, что сидит в Тан Хуае, а потом сам же первым отпустил его руку.

И за все эти годы Тан Хуай хоть раз винил его?

Сун Цинсюй ещё не успел разложить всё это в голове по пунктам, как Тан Хуай уже продолжил:

— В тот день, после того как ты ушёл, Тан Чжэньпин снова меня избил. Я дал сдачи. Но он всё-таки мой отец, поэтому...

.

Тан Хуай перевернул Тан Чжэньпина и с силой швырнул его на пол, а затем прижал предплечьем к шее так, что тот почти перестал дышать.

Всего двадцать минут назад в глазах этого подростка ещё была нежность. Теперь в них бушевала вырвавшаяся наружу ярость.

— Даже не думай трогать Сун Цинсюя! — рявкнул Тан Хуай. — Если посмеешь заявиться в школу и устроить там скандал, я сделаю так, что ты будешь жалеть об этом до конца жизни!

Тан Чжэньпину не хватало воздуха. Лицо у него распухло и побагровело, между зубов проступила кровь.

— Совсем... охренел... — прохрипел он. — Ты ещё... смеешь угрожать своему отцу! Надо было... тебя... сразу после рождения... придушить...

Тан Хуай смотрел на него в упор:

— Я и сейчас могу это сделать.

— Из-за какого-то смазливового пидорка... даже отца родного не жалеешь... Ты, блядь... ты просто... тварь...

Белки глаз Тан Чжэньпина начали наливать кровью, кожа на лице пошла синеватым оттенком, но Тан Хуай не ослаблял хватку. И только когда у того закатились глаза, он наконец отпустил.

Спокойно поднявшись, он вернулся к себе в комнату. Но, стоило закрыть дверь, как он тут же осел на пол и уткнулся лбом в колени.

Липкий, запоздалый страх поднимался в груди.

Он понял, что только что действительно едва не убил собственного отца.

Ужас от мысли, что на его глазах живой человек, прямо у него под руками, почти перестал дышать, постепенно затапливал его целиком. Как бы он ни ненавидел Тан Чжэньпина, за то, что тот сделал, даже в суде могли бы не дать серьёзного срока. Так как же он сам мог ставить себя выше закона?

И главное — человек, чьи руки замараны кровью, разве имеет право вернуться к матери? Разве имеет право стоять рядом с Сун Цинсюем?

Измотанный, Тан Хуай кое-как забрался на кровать и натянул одеяло на голову. Душная, тёмная теснота укутала его, и он провалился в тяжёлый сон.

Посреди ночи он проснулся от онемения в руке.

Открыв глаза, он увидел залитую лунным светом привязанную к изголовью руку.

Нейлоновая верёвка. Мёртвый узел. Ноги тоже связаны.

Вырваться не было ни единого шанса.

Но Тан Хуай не собирался сдаваться. Он почти сразу понял, что Тан Чжэньпин наверняка задумал что-то в школе. Значит, надо было срочно освобождаться. Хотя бы добраться до телефона и предупредить Сун Цинсюя.

Он рванул вверх изо всех сил. Верёвка содрала кожу на лодыжках, тонкие струйки крови пропитали простыню, но Тан Хуай будто вовсе не чувствовал боли. Стоило ему хоть на секунду дотянуться — он тут же вгрызался в нейлон зубами.

Раз.

Два.

Сто раз.

Двести.

Лунный свет медленно уступал место утреннему. И когда Тан Хуай наконец перегрыз верёвку, и запястья, и щиколотки, и даже зубы у него были уже в крови.

Он, хромя, добрался до двери, нажал на ручку — и только тогда понял, что Тан Чжэньпин ещё и запер её на дополнительный замок.

Дверь была заперта изнутри.

В тот момент Тан Хуай не почувствовал отчаяния.

Только ярость.

И ещё — очередное, предельно ясное осознание, что его родной отец был мелким, подлым ублюдком.

Перед глазами снова и снова вставал Сун Цинсюй — обиженный, заплаканный, сломленный. Тан Хуай не мог остановиться и не смел остановиться. Он снова и снова бился в дверь.

Пока в конце концов не выбил её ногой.

Щепки впились в мясо, кровь закапала на пол и потянулась по доскам алой дорожкой — из комнаты в гостиную.

Тан Хуай остановился на пороге и увидел Тан Чжэньпина, который сидел и пересчитывал деньги. Похоже, вернулся он уже довольно давно. Часы на стене показывали девять утра.

Во рту поднялся железистый привкус, перед глазами поплыло. Тан Хуай, шатаясь, дошёл до него и сипло выдавил:

— Ты... верни деньги Сун Цинсюю... Если тебе нужны деньги, я тебе дам... верни их ему...

Но голос его был таким слабым, что Тан Чжэньпин попросту ничего не расслышал.

Тот потряс купюрами в руке и самодовольно расхохотался:

— А у этого пидорка, оказывается, деньжата водятся. Да только теперь уже поздно. Вы, сопляки, хоть оба вместе, всё равно не помешаете мне разбогатеть!

Тан Хуай бросился вперёд, вырвал у него свой телефон и попытался написать Сун Цинсюю.

Только тогда он увидел, что уже в чёрном списке.

В ту же секунду всё внутри у него оборвалось.

Тот единственный комок силы, на котором он до сих пор держался, вдруг рассыпался. Перед глазами потемнело, из горла хлынула кровь, и он без сознания рухнул на пол.

.

Холодная капля упала Тан Хуаю на лицо.

Он, всё ещё говоря, в недоумении поднял голову — и только тогда понял, что по лицу Сун Цинсюя уже давно текут слёзы, одна за другой.

Красивые персиковые глаза распухли, слёзы лились так, будто прорвало плотину.

Хуже всего было то, что Сун Цинсюй до крови кусал губы, лишь бы не издать ни звука.

У Тан Хуая в груди всё оборвалось от вины.

Он так увлёкся собственным рассказом, что не заметил, как Сун Цинсюй расплакался.

Вот же он идиот.

Подхватив его, Тан Хуай усадил Сун Цинсюю себе на колени и начал торопливо вытирать ему слёзы одну за другой.

— Не плачь, родной... малыш, не плачь, — голос у него дрожал от боли. — Когда ты плачешь, я вообще не понимаю, что делать...

Сун Цинсюй отвернул лицо, но от его рук не ушёл. Вцепившись в ворот его одежды, он долго пытался выровнять дыхание, прежде чем смог произнести:

— Почему ты мне не сказал? Ты что, дурак? Если бы ты объяснил мне всё это, если бы просто рассказал... как я мог бы не выслушать?

Но Тан Хуай только покачал головой.

— Если бы я тогда не дал сдачи, он, может, и не взбесился бы так. Может, и не пошёл бы в школу. Я заслуживал наказания.

Сун Цинсюй больше не выдержал.

Он с силой ударил его ладонью по спине и почти выкрикнул:

— А я этого не хотел!

Голос у него сорвался.

— Ты вообще понимаешь, как сильно я тогда ждал, что ты придёшь ко мне и всё объяснишь? Это ты не появлялся. Это ты всё тянул, пока моя ненависть не стала расти сама собой. Думаешь, я правда хотел тебя ненавидеть, Тан Хуай?

Он говорил всё тише, а слёзы душили всё сильнее.

— Если бы... если бы у меня не было к тебе чувств... если бы ты ничего для меня не значил... то с какого хрена я вообще лёг бы с тобой в постель только потому, что так сказал врач?.. Ты что, правда...

Последние слова почти утонули в сдавленном всхлипе.

— Ты что, правда не понимаешь, как сильно ты мне нравишься? Не понимаешь, как меня к тебе тянет?

Тан Хуай вдруг застыл.

Всё выражение исчезло с его лица, будто кто-то одним движением стёр его целиком. Он напоминал перегруженный процессор, который на секунду просто завис.

А в следующую секунду это зависание смыло волной бешеной радости.

— Что ты сказал? — он сжал запястье Сун Цинсюя. — Скажи ещё раз!

Сун Цинсюй от его слишком прямого, слишком откровенного взгляда вспыхнул до самых ушей. Одной рукой он отвернул лицо Тан Хуая в сторону, а другой со смесью злости и смущения упёрся ему в плечо:

— Чего повторять? Хорошее дважды не говорят. Не услышал — сам виноват.

Тан Хуай перехватил его за затылок и жадно впился в губы.

Язык безжалостно вторгся внутрь, лаская, подчиняя, словно он хотел проглотить его целиком.

Только когда Сун Цинсюй уже начал задыхаться, Тан Хуай с явной неохотой отстранился.

Упершись лбом ему в лоб, он хрипло прошептал:

— Прости, малыш. Я просто слишком счастлив. Я не сдержался. Когда ты отдышишься... можно я тебя ещё немного поцелую?

Сун Цинсюй: ...

Слишком уж быстро у него менялись эмоции. Он за ним просто не поспевал.

Но прежде чем Сун Цинсюй успел толком прийти в себя, Тан Хуай пошёл на второй заход.

Он снова прижал его к себе и поцеловал — долго, глубоко, жадно.

И при этом ещё умудрялся исключительно вежливо извиняться.

— Прости, малыш, я правда не могу удержаться.

— Ты слишком вкусно целуешься. Я хочу целовать тебя без конца.

В ту ночь Тан Хуай целовал Сун Цинсюя снова и снова, пока у того не обветрились и не потрескались губы.

И если бы в этой квартире нашлось хоть что-нибудь нужное для такого случая, спать этой ночью Сун Цинсюю, скорее всего, вообще бы не пришлось.

Когда они наконец легли, Тан Хуай снова придвинулся. Сун Цинсюй тут же отпихнул его и второй рукой зажал себе рот, будто обороняясь до последнего.

— Ты опять? Тебе мало, что ли?

Тан Хуай выглядел до смешного несчастным.

— Прости, малыш. Я просто слишком счастлив. Ты простил меня. Ты меня любишь. Для меня это как сон.

С его лицом взрослого, рослого мужика такие слова звучали почти нелепо, но у Сун Цинсюя от них всё равно стало сладко на душе, будто туда капнули мёда.

Однако целоваться дальше было уже нельзя.

Губы у него и так пострадали достаточно — завтра ещё людям на глаза показываться.

К тому же завтра он собирался навестить Тан Чжэньпина.

Этот человек всю жизнь был наглым, эгоистичным, самодовольным ублюдком. И почему-то Сун Цинсюю казалось, что будет даже немного неправильно не показать ему перед смертью, как пара, которую он собственными руками развёл, снова сошлась.

Поэтому Сун Цинсюй нарочно напустил на себя суровый вид и сказал:

— Хватит на меня смотреть. Отвернись и спать.

Тан Хуай бросил на него долгий, полный обиды взгляд, но всё-таки послушно перевернулся спиной.

Сун Цинсюй с облегчением закрыл глаза.

Через несколько минут его дыхание стало ровным — он уснул.

Тан Хуай тут же бесшумно повернулся обратно, притянул его к себе, сдержанно поцеловал в лоб и только после этого с довольным видом тоже закрыл глаза.

На следующее утро они проснулись уже после десяти.

Умывшись и выйдя из спальни, они увидели, что Цзи Чэнь уже приехал, а на столе стоит купленный им завтрак.

Положив телефон, он с нарочитым спокойствием посмотрел на них:

— О, проснулись? Вы вообще помните, что приехали сюда не в отпуск?

— Помним, — ровно ответил Тан Хуай.

И тут же, повернувшись к Сун Цинсюю, совсем другим тоном добавил:

— В этот раз времени не было. В следующий обязательно свожу тебя нормально погулять.

Сун Цинсюй только кивнул. До путешествий ему пока было далеко.

— Давай сначала заедем в больницу.

Цзи Чэнь удивлённо поднял брови:

— Вы не возвращаетесь в Шанхай?

Сун Цинсюй откусил сяолунбао, и солёный бульон больно обжёг потрескавшуюся губу. Поморщившись, он медленно сказал:

— Раз уж я приехал, не зайти будет как-то неправильно.

Тан Хуай сразу понял, что тот задумал, и его до смешного растрогала эта очаровательная привычка Сун Цинсюя ничего никому не спускать.

Он протянул руку, вытер ему подбородок и тихо сказал:

— Ладно. Как скажешь. Всё будет по-твоему.

Цзи Чэнь шумно втянул воздух сквозь зубы.

Серьёзно, ну это уже невозможно. Кто так вообще влюбляется? Это же совсем не в стиле Тан Хуая.

Тан Хуай покосился на него, и вся насмешка над одиноким человеком читалась в этом взгляде без слов.

Сун Цинсюй не заметил этих детских переглядываний. Он уже открыл на телефоне приложение и заказал букет в ближайшем цветочном.

Всё-таки к больному с пустыми руками не ходят.

Ну что, Тан Чжэньпин.

Скоро увидимся.

<http://bllate.org/book/18105/1736448>